

Плюрализм истин в прагматистском политическом дискурсе

А.И. Сетова

Прагматизм представляет особый интерес для политико-философского исследования как течение, следы эпистемологических оснований которого можно наблюдать в политической практике. Именно вопрос об истине является ключевым. В данном исследовании будут рассмотрены последствия ответа на вопрос об истине в классическом прагматизме и неопрагматизме, а также будет показано, что разные трактовки истины в практике дают различные политические проекты.

Закладывая основу философии и методологии прагматизма, Чарльз Сандерс Пирс в статье «Закрепление верования»¹ вводит два фундаментальных для прагматизма понятия: «вера» (belief) и «сомнение» (doubt)². В этих терминах процесс познания понимается как постоянный переход от сомнения к вере, где сомнение — это импульс к действию³, который всегда конкретен и возникает в уникальной ситуации; вера — это некоторая привычка поступать определенным образом⁴.

Пирс, предлагая максимум⁵, говорящую о том, что понятие об объекте исследования есть понятие о практических следствиях этого объекта, приходит к заключению, что именно в таком ключе исследователь может прийти к ясным идеям. А именно, ко всем идеям и программам должен применяться принцип практической пользы и целесообразности, что делает приверженность к абстрактным истинам бессмысленной.

Естественно, что понимание истины как полезности вызвало немало критических отзывов, особенно среди сторонников марксизма. Во многом критика носит идеологический характер и может быть парирована.

Так, Ю.К. Мельвиль говорит о прагматистском понимании истины в терминах идеологического несогласия: «Вся философия империализма стремится

¹ Пирс Ч. Закрепление верования // «Вопросы философии». 1996. № 12. С. 106–120.

² Там же. С. 108.

³ Там же. С. 109–110.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ «Принцип Пирса» в наиболее явном виде сформулирован Джемсом в лекции «Что такое прагматизм» (см: Джемс У. Что такое прагматизм // Вестник Московского университета. Серия 7. «Философия». М., 1993. № 3).

подменить ее [объективную истину] тем или иным эрзацем...»⁶. Однако критики в кантовском смысле⁷ мы не увидим в данном анализе, где апелляция производится лишь к действительно политическому аспекту: «Отождествление истины с пользой и успехом связано с условиями специфически американской жизни, с особенностями преимущественно американского капитализма»⁸. Стоит отметить, что данный подход в советской философской литературе был «программным», поэтому нет возможности говорить о качественном критическом исследовании эпистемологических оснований прагматизма, следы которых можно обнаружить в политической практике США, а также Европы.

Отметим, что замечание Пирса о плюрализме истин рассматривается именно в исторической перспективе, тогда как в науке как таковой (в рамках конкретной парадигмы) истина одна. Отсюда можно реконструировать понятие парадигмы как самого удобного способа решать проблемы в конкретную историческую эпоху. Хотя ученые понимают возможность ошибочности своих убеждений, эти убеждения работают, пока ученые в них верят как в абсолютную истину.

Джон Дьюи стал первым прагматистом, разработавшим социально-политическую теорию данного направления. Несомненно, Дьюи разделяет идеи Пирса, однако развивает их, создавая собственный эпистемологический подход — инструментализм.

Истина в понимании Дьюи — это инструмент разрешения затруднения, с которого начинается любой процесс познания. Существуют своего рода проблематические ситуации («ситуации сомнения» в терминологии Пирса), в которых мышление предстает инструментом преодоления этого сомнения. Всякое познание необходимо рассматривать в рамках конкретной проблематической ситуации, что дает возможность переключения интереса теории с общих понятий на выработку действенных методов исследования⁹. В данном случае истинной станет формулирование успешного способа решения проблемы в языке, а наукой — исследование, направленное на поиски способов решения проблем.

Дьюи распространяет научный метод на все сферы жизни общества. Наука в его концепции играет ключевую роль. Научные картины мира являются отражением политической организации общества, это можно увидеть на примере иерархического общества, в науке которого есть строгое разделение на роды и виды, на «касты научных феноменов». Либеральное же мировоззрение дало толчок к трансформации науки в сторону открытости и свободы. Либеральная картина мира с приматом личности и свободы каждого несет с собой «демократию индивидуальных и равнозначных фактов»¹⁰ уже потому, что в подлунном и надлунном мире действуют одни и те же законы.

⁶ Мельвиль Ю.К. Американский прагматизм. М.: Издательство Московского университета, 1957. С. 42.

⁷ И. Кант, называя свои работы «Критиками», исходит из трактовки данного термина как глубинного исследования самих оснований изучаемого феномена.

⁸ Мельвиль Ю.К. Указ. соч. С. 42.

⁹ Дьюи Дж. Реконструкция в философии // Реконструкция в философии. Проблемы человека. М., 2003. С. 109.

¹⁰ Там же. С. 56.

Дьюи говорит о необходимости применения достижений естественных наук на почве социального исследования, то есть распространяет истину науки на общество в целом. Либерализм «требуеет от науки, чтобы повсеместно, ко всем проблемам, которые необходимо решить, применялся метод исследования, отбора, проверки, основанный на получении верифицируемых результатов»¹¹. В этой логике политика предстает как совокупность политических стратегий, которые рассматриваются как рабочие гипотезы и могут выбраковываться, пересматриваться и корректироваться, то есть носят экспериментальный характер, конкурируют в исторической перспективе.

Иллюстрацией к подходу Дьюи служит «Новый курс» Рузвельта. Если классический либерализм говорил о невмешательстве государства в общественную и особенно экономическую жизнь, то Дьюи настаивал на расширении социальных функций государства, на расширении личных свобод благодаря поддержке государства, что было продиктовано конкретными проблемами, с которыми столкнулось американское общество в первой половине 30-х гг. XX в. Именно подобного рода законотворчество, ориентированное на применение истины науки, является, по Дьюи, краеугольным камнем построения демократически организованного общества. Получается, что политика должна вбирать в себя результаты науки, сообразовываться с ее достижениями, а наука предоставляет возможность в каждой конкретной социальной ситуации найти пути решения той или иной уникальной проблемы, что придает социальному исследованию эмпирический характер.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что политика в теории прагматизма — это поле для конкуренции социально-политических проектов, а либеральная демократия — наилучшее устройство для технической реализации конкурентной борьбы проектов.

Неопрагматизм, следуя базовым эпистемологическим принципам прагматизма, а также дополняя свою концепцию идеями европейской философии второй половины XX в., строит существенно иную политическую теорию.

Ричард Рорти, американский неопрагматист, подходит к проблеме истины с избавления философии от проблемы сознания как особой ментальной сущности, что позволяет ему сопоставить деятельность человека с действиями животных в процессе эволюции. В логике его рассуждений оказывается, что средством приспособления людей к внешней среде являются разные «словари» — версии трактовки реальности, — критерием успешности которых будет практика, т. е. то, как индивид справляется с существованием во внешнем мире¹². Рорти явным образом формулирует свое понимание познания как «всего лишь другого имени для решения проблем»¹³. Получается, что не может быть и предела познания, и истины как этого предела, так как проблемы всегда разные. То есть процесс познания бесконечен, поэтому бессмысленны попытки построения не-

¹¹ Дьюи Дж. Либерализм и социальное действие // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (1-я половина XX века). М., 2000. С. 349.

¹² История философии: Учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М.: Академический проект: 2005. С. 466–467.

¹³ Рорти Р. Упадок искупительной истины и подъем литературной культуры // Сравнительная философия. Моральная философия в контексте многообразия культуры. М., 2004.

которой универсальной теории, описывающей мир в целом или наилучшее для всех времен и народов политическое устройство.

Рорти остается верен прагматистской методологической установке и при этом доводит ее до предела, что позволяет аттестовать его позицию как крайний радикализм. В статье «Прагматизм без метода»¹⁴ он критикует отношение к методу в понятиях «глубина» и «ликование» не без критики в адрес Джона Дьюи. Под методом философии здесь понимается научный подход, который интерпретируется в ключе догматизма, т. е. как подразумевающий существование единственно истинного контекста человеческого существования.

Не разделяя стремление Дьюи распространить научный метод на всю культуру, Рорти тем не менее не отрицает связь между наукой, искусством и религией, но метод науки, которым дорожит Дьюи, Рорти полностью исключает из познания. Более того, неопрагматист указывает, что отказ от метода как единственно возможного пути к постижению истинной природы вещей является основой современного либерального самосознания, намекая на необходимость смены парадигмы: «Мы действительно обязаны говорить друг с другом, обсуждать свои воззрения на мир, прибегать скорее к убеждению, чем к принуждению, быть терпимыми к разнообразию и смиренными фаллибилистами. Но это не то же самое, что быть обязанным иметь методологические принципы»¹⁵.

Рорти предлагает говорить не о методе науки или о конкретных науках, но о жанрах¹⁶, таких как наука, философия, искусство, религия, которые, избавившись от методологического догматизма, становятся взаимопроникаемыми. Жанры являются рядоположенными, сосуществуют друг с другом, говоря об одном и том же мире, но используя собственный привилегированный словарь.

Борясь с эпистемологией как таковой, неопрагматизм предлагает герменевтику как путь¹⁷ исследования. Если эпистемология постулирует соизмеримость входов в дискурс, подводя их под одно основание, то герменевтика борется с этим положением ввиду равноправия всех словарей описания реальности. Герменевтика не предполагает методологического догматизма, как того требует эпистемология. Таким образом, участники разговора остаются с надеждой на успешное сотрудничество, пока идет коммуникация, пока продолжается «рутинный разговор». Герменевтика предлагает освоить язык собеседника, а не переводить его на свой собственный, что в ракурсе политического приводит нас к терпимости и солидарности. Герменевтика рассматривает исследователей «как группу людей, чьи жизненные дороги пересеклись, объединенных скорее вежливостью, нежели общей целью, и еще меньше — общим основанием»¹⁸. Таким образом, не единство целей становится основой для установления истины, а то, что все мы являемся людьми. Вежливость, коммуникация и плюрализм — важ-

¹⁴ Рорти Р. Прагматизм без метода / пер. Р. Хестанова // Логос. 1996. № 8.

¹⁵ Рорти Р. Прагматизм без метода // http://smirnov.iph.ras.ru/win/publicn/ph_copy/dm.pdf (дата обращения: 25.12.2013).

¹⁶ В теории Рорти понятие жанра схоже с понятием дискурса как особого стиля повествования.

¹⁷ В данном случае намеренно не использовано понятие метода исследования, чтобы показать свободу неопрагматизма в контексте эпистемологии.

¹⁸ Рорти Р. Философия и зеркало природы. С. 235.

ные понятия в философии Рорти, которые в полном составе задействованы в его теории политики.

Здесь, безусловно, можно заметить лукавство или непоследовательность Ричарда Рорти в его борьбе с эпистемологией, ведь, предлагая вместо научного метода герменевтику, он не отказывается от метода как такового. Из этого можно заключить, что даже, казалось бы, в анархичных эпистемологических теориях невозможно отказаться от всех оснований. Это относится и к самому авторитетному методологическому анархисту П. Фейерабенду.

Возвращаясь к вопросу о трактовке истины в прагматизме, заметим, что Рорти указывает на сосуществование истин единомоментно, а не только в исторической перспективе. Это ключевое методологическое новшество неопрагматизма, которое далее в корне меняет отношение и к политическому дискурсу.

Джанни Ваттимо, итальянский неопрагматист, член Европейского парламента, идейно ближе к Рорти, чем к классикам прагматизма. «Истина — то, что хорошо для нас»¹⁹, — говорит Ваттимо, но он далек от установки на тотализацию истины, что свойственно Дьюи. Ваттимо отрицает возможность существования универсальной истины или объективной картины мира, так как данная методологическая установка приводит к печальным практическим следствиям: если возможна абсолютная истина, значит, кто-то станет претендовать на обладание ею, а это точнейшая предпосылка для тоталитарных политических проектов. С другой стороны, претенденты на обладание достоверным знанием станут защищать «правильную» истину, вплоть до применения насилия к инакомыслящим. Ваттимо говорит в одном из интервью: «Люди, верящие в истину, крайне опасны»²⁰.

С пониманием истины тесно связана такая категория, как интерпретация, являющаяся следствием герменевтической установки философа. Принимая тезис об относительности истин, мы с необходимостью оказываемся увлеченными множеством точек зрения — интерпретаций. «Я не вижу истину — я вижу нечто с определенной точки зрения, и оно представляется мне таковым, каким я его вижу»²¹. Каждый индивид имеет право на собственную интерпретацию, что порождает геометрически возрастающее количество истин и трактовок того или иного феномена.

Интересно, что взгляды Ваттимо на науку расходятся с взглядами Рорти, декларирующего неуместность применения научного метода в политическом исследовании. Несмотря на колоссальное развитие естествознания последних десятилетий, Ваттимо называет сегодняшний мир миром гуманитарных наук. Этот мир смог сформироваться только благодаря установке на плюрализм во взглядах и коммуникации. Коммуникация оказывается возможной только там, где существует равенство интерпретаций. Это и есть свободное общество — «общество, где человек может осознать себя существующим в “публичной

¹⁹ Интервью с Дж. Ваттимо // <http://theoryandpractice.ru/posts/6331-filosof-dzhanni-vattimo-lyudi-verayashchie-v-istinu-kрайне-opasny--eto-agenty-zdravogo-smysla> (дата обращения 25.12.2013).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

сфере», то есть в сфере общественного мнения, свободной дискуссии и т. д., не затемненной догмами, предрассудками, суевериями»²².

Теория Ваттимо также оставляет поле для вопросов. Одним из них в контексте данного исследования становится вопрос о понимании. Ведь установка на «цветущее многообразие» интерпретаций сводит на нет саму возможность понимания другого. Снятием данного вопроса может послужить установка на коллективизм, о которой речь пойдет ниже.

В процессе развития прагматистской мысли виден разрыв между подходом к политике классического периода и периода «нео», что особенно отчетливо выражается в политических проектах исследуемых авторов.

Будучи приверженцами демократии и антифундаменталистической позиции, неопрагматисты констатируют, что вынуждены говорить о демократии словарем, которому присущ фундаментализм, — словарем, ведущим традицию от Декарта и Канта, что в контексте современной политики представляется нонсенсом. «Словарь рационализма Просвещения ... стал препятствием для сохранности и развития демократических обществ»²³. Так встает проблема переописания демократии и либерализма в новом словаре, лишенном истинностного абсолютизма. И если для Рорти важно построить теорию, в которой главной целью является человеческая солидарность, Ваттимо, переписывая подход к политике, старается уменьшить насилие, которое из методологических оснований классической философии переходит в политическую реальность.

Рорти приходит к выводу, что описание либерального устройства не приемлемо в терминах рационального/иррационального, как это свойственно Просвещению, уже только потому, что само Просвещение «впало в иррационализм»²⁴. Получаем, что спор о рациональности/иррациональности оказывается бессмысленным. Далее мы приходим к возможности обсуждения самих оснований, в чем Рорти и видит признак либерализма. Тогда либеральным оказывается то общество, в котором возможно обсуждение самих оснований его существования, в котором возможен «рутинный разговор». Рорти указывает на то, что в либеральном обществе скорее возможна реформа, а не революция, возможно убеждение, а не принуждение, ведь, в конечном итоге, свобода рождается в свободе использования словарей, в столкновении и появлении новых языковых практик. Рорти показывает, что возможность обретения социальной свободы кроется в свободе дискурсов, в их столкновении и постоянном изменении.

Для Джанни Ваттимо современный мир — мир тотальной коммуникации. Однако знакомый ему либерализм постулирует индивидуализм, который в условиях современного коммуникативного общества становится невозможным. Поэтому он рассуждает о свободе с точки зрения коммунизма, даже осознавая себя идеологической «белой вороной». Поэтому его концепция коммуникации строится вокруг идеи о примате коллективного над индивидуальным. И это логически вытекает из его методологической установки: «первое решение, которое следует принять, — это отказ от превознесения своей субъективности. ...

²² Ваттимо Дж. Прозрачное общество // пер. с ит. Дм. Новикова. М.: Логос, 2002. С. 24.

²³ Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. С. 71.

²⁴ Там же. С. 76.

Я не хочу ни утверждать свою субъективность, ни отрицать ее — мне нужно находиться в сообществе во всех смыслах этого слова»²⁵.

Рорти представляет свой проект как «иронический либерализм». Для него исторические фигуры, понимающие всю парадоксальность и случайность своего существования и развертывания социально-политической практики, не могут быть никем иным, как либералами-ирониками. Они придерживаются плюралистического взгляда на действительность, осознавая все многообразие словарей, ее описывающих. Приверженность к единственному словарю, якобы обусловленному чем-то за пределами времени и пространства человеческой реальности, приводит к унификации и уничтожению свободы в сообществе. Ироники же стремятся вступить в коммуникацию с другими словарями, переописывая их и себя. Только в таком случае возможна свобода — в постоянном «рутинном разговоре», участники которого уверены в солидарности, объединяющей их с другими. Поэтому Рорти говорит о приоритете убеждения перед принуждением, реформации перед революцией.

Дискурсивной оказывается сама политика, которую неопрагматизм поэтизирует, указывая на нее как на один из жанров современной культуры. Цель политики в конечном счете представляет собой саму возможность говорить о политике, коммуникацию по поводу конкретно-исторических проблем. Из этого следует и требование социальной свободы, заключающейся в сокращении разницы между классами, что должно нивелировать все преграды для коммуникации.

Для Ваттимо также важна возможность обсуждения, коммуникация. Она возможна только тогда, когда есть сообщество. Это является следствием того, что все психоэмоциональные, поведенческие, культурные паттерны являются групповыми, а также того, что мы говорим на языке группы. «Коммуникация становится возможной в силу того, что твои глаза не есть просто твои собственные глаза. Они — глаза группы»²⁶. Иначе общение не было бы возможно. Таким образом, интерпретации оказываются твоим собственным отношением к тому или иному феномену на языке твоей группы. Именно поэтому Ваттимо выбирает в качестве названия своего политического проекта «коммунизм», исходя из его этимологии.

С другой стороны, интерпретация никогда не может быть «чистой», иначе она стала бы абсолютной истиной. Приняв возможность существования объективной интерпретации, мы с неизбежностью оказываемся на пороге тоталитарных политик с соответствующими группами людей, призванных положить свою и чужую жизни на алтарь истины. Поэтому Ваттимо предпочитает говорить не об искаженности интерпретаций в коммуникации, а о снижении насилия.

Именно поэтому коммунизм Ваттимо и либерализм Рорти не вступают в противоречие, так как цели данных проектов общие — свобода и отсутствие насилия. «Насилие — это то, что препятствует задавать вопросы»²⁷, — фраза, сказанная Ваттимо, но разделяемая и Рорти тоже.

²⁵ Интервью с Дж. Ваттимо.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Джанни Ваттимо говорит об «ослабленном коммунизме». Проводя линию Фуко о том, что история всегда писалась лидерами и победителями, Ваттимо утверждает, что единственной формой прогресса в истории может быть сокращение насилия, а не воплощение сильного идеала, идет ли речь об идеале пролетария или капиталиста²⁸.

Слабость коммунизма, о которой говорит Ваттимо, — это теоретическая слабость. Она необходима, так как коммунизм в марксистской интерпретации осуществлен в форме догм и тоталитарных установок. Ваттимо надеется, что, ослабляя коммунизм, освобождая его от догматичности, он сможет реабилитировать его перед другими политическими силами в Европейском парламенте.

Коммунизм становится инструментом осуществления методологических идей Ваттимо. Сама коммуникация возможна только потому, что все люди объединены в сообщества и имеют общие мысли, что является предпосылкой для того, чтобы быть понятым. Именно поэтому для Ваттимо важнее быть коммунистом, а не индивидуалистом. Именно поэтому итальянский философ называет себя христианином, но не в конфессиональном ключе, а с точки зрения этической установки.

Коммунизм должен быть переосмыслен. Те его проявления, которые видела история XX в., умножали насилие, тогда как проект Ваттимо исходной целью видит его сокращение. Для этого необходим плюрализм в интерпретациях, для этого должна быть возможность задавать вопросы, потому что «подлинно философское определение насилия будет таким: это то, что мне препятствует спрашивать дальше»²⁹. Именно оперирование категорией ненасилия, а не истинностью успешнее приведет к уважению мнения и образа жизни других.

Политика для Ваттимо существует в возможности множества интерпретаций. Цель политического проекта видится в сокращении насилия, которое на методологическом уровне снимается герменевтическим подходом, плюрализмом в мнениях, принятием современной культуры как времени гуманитарных наук. Осуществление данного проекта предполагается через ослабление догматичности и бескомпромиссности коммунистической доктрины, придание ей открытости, гибкости и терпимости.

Таким образом, можно утверждать, что истинностное основание прагматизма и неопрагматизма имеет непосредственный выход в сферу социально-политической практики, более того, чем «мягче» звучит эпистемологическое основание (в данном случае вопрос об истине), тем более либеральным оказывается политический проект в прагматизме как таковом.

Литература

1. *Ваттимо Дж.* Интервью // <http://theoryandpractice.ru/posts/6331-filosof-dzhanni-vattimo-lyudi-veryashchie-v-istinu-krayne-opasny--eto-agenty-zdravogosmysla> (дата обращения 25.12.2013).

2. *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество / пер. с итал. Дм. Новикова. М.: Логос. 2002.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

3. *Ваттимо Дж.* Насилие — это то, что препятствует задавать вопросы // Индекс. 1998. № 6, // <http://www.index.org.ru/infospace/398vatt.html> (дата обращения: 02.01.2014).

4. *Дьюи Дж.* Реконструкция в философии // Реконструкция в философии. Проблемы человека. М., 2003.

5. *Дьюи Дж.* Либерализм и социальное действие // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (Первая половина XX века). М., 2000.

6. История философии: учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М.: Академический Проект: 2005.

7. *Мельвиль Ю.К.* Американский прагматизм. М., Издательство Московского университета, 1957.

8. *Пирс Ч.* Закрепление верования // «Вопросы философии». 1996. № 12.

9. *Рорти Р.* Упадок искупительной истины и подъем литературной культуры // Сравнительная философия. Моральная философия в контексте многообразия культур. М., 2004.

10. *Рорти Р.* Прагматизм без метода / пер. Р. Хестанова // Логос. 1996. № 8 // http://smirnov.iph.ras.ru/win/publicctn/ph_copy/dm.pdf (дата обращения 25.12.2013).